

314951

Брюшин, В.

Разгром германской
армии в 1918 г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1939 году немецкий разбойничий империализм сверг мир в пучину новой войны. Гитлеровская партия, партия ренегатской реакции и черносотенных погромов, захватившая власть в Германии в 1933 году, поставила своей целью превратить все народы мира в своих рабов. Вооруженные до зубов фашистские полчища в 1939—41 гг. разбились на слабые и неподготовленные в военном отношении государства Западной Европы и Балканского полуострова. Объявив о том, что с разгромом Франции война на Западе кончена, фашисты жестоко просчитались. Правительство и народ Великобритании не капитулировали перед ударами фашистской авиации и флота, а напротив, оказали им стойкое сопротивление. Фашисты проиграли „битву за Англию“. Прогрели они и „битву за Атлантику“. Стратегия „молниеносной войны“ начала терпеть крушение. Война явно приняла затяжной характер. Ресурсы Германии таяли и иссякали. Не видя выхода из грозящего краха, зайдя в тупик, гитлеровская банда решила поставить свою последнюю отчаянную ставку. Используя преимущества нападающей стороны, фашистские мерзавцы вероломно, злодейски напали на нашу страну.

Народы Советского Союза ответили на это предательское нападение объявлением отечественной освободительной войны против германского фашизма. Весь советский народ, как один человек, сплотился вокруг большевистской партии своего великого вождя и полководца товарища Сталина. На стороне Советского Союза сочувствие и поддержка всего передового человечества, всего цивилизованного мира, всех народов Европы и Америки. Образовалась мощнейшая антигитлеровская коалиция свободолюбивых народов. Военные преимущества, которые имели немцы в первые месяцы войны в результате внезапного нападения, в ходе войны были ликвидированы. Отныне судьба войны решается не случайными и привходящими факторами, а постоянно действующими, коренными факторами: прочностью воли, моральным духом армии, количеством и качеством вооружения, организацией, организаторскими способностями начальствующего состава армии. Авантюристический сумасбродный план „молниеносного“ разгрома СССР по-

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

314951

терпел крушение. Стратегия „молниеносной войны“ была окончательно похоронена на советско-германском фронте. Славная Красная Армия развеяла в пух и прах лживый миф о „непобедимости“ немецко-фашистской армии, армии грабителей и насильников. Ресурсы и силы Германии на исходе. Ресурсы и силы Советского Союза и всей коалиции свободолюбивых народов неуклонно возрастают и усиливаются. Гитлеровская Германия оказалась перед катастрофой и неминуемо должна лопнуть под тяжестью совершенных ею преступлений. Призрак поражения, призрак 1918 года, витает над гитлеровской Германией.

„Война принесла германскому народу большие разочарования, миллионы человеческих жертв, голод, обнищание. Войне не видно конца, а людские резервы на исходе, нефть на исходе, сырье на исходе. В германском народе все более нарастает сознание неизбежности поражения Германии. Для германского народа все яснее становится, что единственным выходом из создавшегося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера—Геринга“¹.

Старшее поколение немцев, пережившее войну 1914—1918 гг., хорошо помнит, что кайзеровская Германия, несмотря на ряд побед, одержанных германской армией, и оккупацию в то время ею значительной части европейского континента, все же была, в конце концов, разбита могущественной антигерманской коалицией. Немцы не забыли, что кайзер Вильгельм II и немецкая военщина, подобно гитлеру и его кровожадной своре, мечтали о господстве Германии над всем миром, но, что русские и англо-франко-американские войска разбили кайзеровскую армию—тоже считавшуюся „непобедимой“—и покончили с притязаниями империи Вильгельма на мировое господство. Помнят немцы и о том, как плачевно закончилась германская интервенция против Советской России в 1918 г., как хваленое кайзеровское воинство, побросав свое оружие, в панике бежало с Украины и Белоруссии осенью 1918 г.

Воспоминания о 1918 годе, годе военного разгрома и крушения кайзеровской Германии, все чаще встают в сознании германского народа. Чтобы отогнать призрак 1918 года, гитлеровские заправилы вынуждены выступать с частыми уверениями, что 1918 год никогда не повторится в Германии. „Пока я жив, я не допущу повторения 1918 года в Германии“, истерическим голосом вопил Гитлер с трибуны германского рейхстага 30 января 1942 г. Но призрак 1918 г.

¹ И. Сталин. Приказ Народного Комиссара Оборонь 1 мая 1942.

неотвратимо витает над Германией, и никакими заклинаниями Гитлера и Геббельса его нельзя отогнать. Час расплаты для гитлеровской клики неумолимо надвигается.

Чтобы возродить и укрепить легенду о „непобедимости“ немецкого оружия, гитлеровцы утверждают, наперекор всем историческим фактам, что Германия в 1918 г. якобы не потерпела военного поражения, что германская армия не была разбита на поле брани. Катастрофа же произошла будто бы в результате „удара кинжалом в спину“ германской армии, т. е. из-за революции в тылу, разразившейся в ноябре 1918 г. Следовательно, в крушении Германии виноват сам германский народ, не пожелавший дальше нести бремя войны, сбросивший с трона кайзера и прогнавший его из собственной страны. Не будь ноябрьской революции 1918 г., не было бы и капитуляции армии, и Германия победоносно закончила бы войну,—утверждают геббельсовские пропагандисты. Подлинный смысл этой грубой фальсификации совершенно очевиден: германскому народу хотят внушить, что Германия в нынешней войне, одержит победу и уничтожит всех своих противников, при условии, что германский народ будет безропотно переносить все тяготы войны и оставит всякую мысль об „ударе в спину“, т. е. о свержении гитлеровской клики.

Живая фашистская версия об „ударе кинжалом в спину“ в 1918 г. ничего общего не имеет с подлинной историей войны 1914—1918 гг. На самом деле германская армия была разбита на полях сражения; революция в тылу явилась не причиной, а следствием военного разгрома. Командование германской армии еще за три месяца до революции пришло к выводу, что продолжение войны для Германии невозможно, а за полтора месяца до ноябрьской революции высказалось за капитуляцию. Только сознательные фальсификаторы, лжецы и шулера, гитлеры и геббельсы, могут отрицать эти факты.

Ленин говорил о германском империализме в 1918 г.: „Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние“¹.

Такая же судьба уготована и фашистской Германии. Только разгром гитлеровского разбойничьего империализма будет еще более сокрушительным, а зловония останется от него еще больше, чем от кайзеровской Германии.

¹ Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 266.

Разгром гитлеровской Германии в ходе великой отечественной войны советского народа неминуем. Немецко-фашистская армия Гитлера будет разбита, как была разбита в свое время армия Вильгельма II.

ГЕРМАНИЯ ПЕРЕД 1918 ГОДОМ

В 1914 г. Германия кайзера Вильгельма II начала войну с целью нового передела мира и установления господства Германии над всем миром. Германия задолго до 1914 г. готовилась к этой войне. Она создала огромную армию, оснащенную самой передовой техникой, и сильный военноморской флот, оспаривавший у Англии господство на море. Противники Германии—Англия, Франция и Россия—к 1914 г. еще не закончили свои военные приготовления. Немецкие генералы рассчитывали молниеносным ударом покончить с Францией, а затем и с Россией, и продиктовать им грабительские условия мира. Но из этого ничего не вышло. План „молниеносной войны“ провалился в самом начале. Франция, благодаря быстрому наступлению русской армии на восточном фронте (вторжение русских в Восточную Пруссию), устояла перед натиском германской армии. Париж был спасен. Надежда на быстрый военный разгром Франции рухнула. Великобритания получила время на создание огромной армии и развертывание всех своих сил. Война после битвы на р. Марне (сентябрь 1914 г.), первого крупного поражения Германии, приняла длительный, затяжной характер, в котором Германия неминуемо должна была потерпеть поражение, так как ее ресурсы далеко уступали ресурсам ее противников.

В период войны 1914—1918 гг. германская армия имела немало побед и оккупировала большую часть западной и юго-восточной Европы. Война, за исключением кратковременного периода вторжения русской армии в Восточную Пруссию, все время велась на территории противников Германии. Германия захватила Бельгию, северо-восточную часть Франции, Польшу, Прибалтику, Румынию, Сербию, Черногорию, Украину, Белоруссию, Закавказье. В распоряжении Германии были территории и ресурсы ее союзников: Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Эти страны в годы войны фактически были оккупированы Германией и лишились своей самостоятельности и независимости. Но отдельные успехи и победы германской армии, которые она имела на различных фронтах, нисколько не решали исхода войны и ни на шаг не приближали Германию к победоносному окончанию войны. Положение Германии

все время оставалось безысходным, так как ее противники, располагавшие неисчислимыми запасами сырья и огромными людскими резервами, твердо решили продолжать войну до ее полного разгрома. Тогда появилось известное в Германии выражение: „Мы скоро نابобеждаем до собственной гибели“. И действительно германские генералы „напобеждались“ до полного разгрома своей армии в 1918 г., так как каждая „победа“ обескровливала и истощала германскую армию.

Русская армия своими успешными действиями в 1914—1916 гг. оказала решающее влияние на ход войны. Ее операции в Восточной Пруссии, в Польше и Галиции в 1914 г., ее упорное сопротивление натиску главных сил немцев в 1915 г., наконец, блестящий Брусиловский прорыв в 1916 г.,—все это предопределило окончательный военный разгром Германии, происшедший в 1918 г.

В 1917 г. германское командование решило пустить в ход последнюю карту, которая, как казалось тогда, еще могла спасти положение,—объявить беспощадную подводную войну. Фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф, фактические диктаторы тогдашней Германии, заявили, что если объявить беспощадную подводную войну, то Англия вынуждена будет капитулировать через полгода. „Англия будет поставлена на колени через шесть месяцев“—говорили они. Беспощадная подводная война была объявлена в начале 1917 года, но она не оправдала германских расчетов. Еще одна карта германских правителей оказалась битой. Это ясно определилось уже к середине 1917 г., когда истек срок, к которому Англия должна была капитулировать. Однако, Англия и не собиралась капитулировать, а была полна решимости вести войну до тех пор, пока сама Германия не будет поставлена на колени и не капитулирует перед своими противниками.

Положение Германии стало еще более безнадежным, когда в апреле 1917 г. в войну вступили США. Неизбежность поражения Германии в войне с самыми могущественными державами мира стала совершенно очевидной. „Германия стоит на краю гибели,—говорил Ленин на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г.,—и после выступления Америки... положение Германии безнадежно“¹.

Внутри Германии тем временем назревал революционный кризис. С помощью реакционных лидеров социал-демократической партии, открыто перешедших в лагерь буржуазии и призывавших рабочих поддерживать кровавую импе-

¹ Ленин. Соч., т. XX, стр. 485.

риалистическую бойню, правительству и военщине первое время удавалось удерживать широкие массы населения от протеста против войны. Но это продолжалось недолго. Постепенно рабочий класс начинает пробуждаться и переходить к активной борьбе против собственных империалистов и поддерживавших их социал-шовинистов. Социалисты-интернационалисты во главе с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом объявили, что главный враг германского народа—германский империализм, германская военная партия. „Главный враг в собственной стране“—заявили они. В 1915 г. в Берлине произошли первые антивоенные демонстрации, в которых участвовали преимущественно женщины—работницы, во многих городах Германии произошли голодные волнения. Антивоенные настроения стали проявляться и в армии. В конце 1914 г. и в 1915 г. произошли первые случаи братания на Западном фронте. 1 мая 1915 г. на отдельных участках фронта появились красные флаги. 1 мая 1916 г. в Германии произошло первое массовое выступление против войны. Рабочие Берлина, Лейпцига, Дрездена, Штутгарта, Бремена, Киля и других крупных центров Германии вышли на улицу и демонстрировали под лозунгами „Долой войну!“, „Долой правительство!“

Разразившаяся в марте 1917 г. в России буржуазно-демократическая революция еще более усилила антивоенное движение в Германии. Среди германского народа все более и более росли ожесточение и злоба против своих правителей, втянувших народ в преступную войну. Признаки усталости от войны обнаруживаются и в армии. Тяга к справедливому демократическому миру, миру без аннексий и контрибуций, усиливается как на фронте, так и в тылу.

В апреле 1917 г. произошла массовая политическая стачка, охватившая преимущественно рабочих-металлистов военных предприятий Берлина, Лейпцига, Галлэ, Магдебурга, Брауншвейга. На Восточном фронте после февральской революции начинается массовое братание между русскими и немецкими солдатами. Встречаясь с русскими солдатами, немецкие солдаты обещали поступить с Вильгельмом так же, как русские рабочие и солдаты поступили с Николаем. Летом 1917 г. произошло восстание в германском военном флоте. Германские матросы хотели „равняться на Кронштадт“ и „разорвать цепи по русскому образцу“. Все это внушало страх империалистическим кругам и германскому командованию, порождало у них сомнения в благополучном исходе войны. „Настроение народа надо поднять, иначе мы проиграем войну“—заявил Гинденбург летом 1917 г.

Октябрьская революция в России вызвала у германских генералов надежду на победоносное окончание войны путем ликвидации второго основного фронта—Восточного фронта. Это дало бы Германии возможность обрушиться всеми своими силами на англо-французские войска и разбить их раньше, чем будет создана и перевезена во Францию американская армия. А затем, говорили германские генералы, мы снова обернемся на восток, обрушимся всей мощью германской военной машины на Советскую Россию, покорим ее и уничтожим советскую власть. Как азартные игроки, германские генералы на этот раз ставили на карту действительно все. Удастся Германии разбить англо-французские войска—победа Германии обеспечена; устоят англо-французские войска—Германия потерпит неминуемый крах. Сейчас или никогда! Победа или поражение! И германское командование, не взирая ни на что, решило еще раз попытаться счастья.

С конца 1917 г. начались приготовления к новому обширному наступлению на западе, „наступлению в целях достижения мира“, „последнему наступлению“, как уверяли кайзеровские генералы. Это наступление должно было начаться весной 1918 года.

БРЕСТСКИЙ МИР. ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Под ее могучим влиянием в Европе начался бурный подъем революционного движения. В Германии под ее влиянием произошли массовые политические выступления и усилилось в еще большей мере стремление измученного кровавой бойней народа к заключению справедливого демократического мира. В Берлине и других городах Германии сразу после получения известия о победе революции в России произошли массовые демонстрации под лозунгами: „Да здравствует Советская Россия!“, „Да здравствует немедленное заключение мира!“, „Да здравствует Карл Либкнехт!“. Во время переговоров в Бресте германский пролетариат активно выступал против грабительских требований, предъявленных немецкими генералами Советской России. В январе 1918 г. в Германии и Австрии возникла массовая политическая забастовка. Это была самая крупная забастовка за годы войны. Число бастующих рабочих превышало миллион человек. В одном только Берлине бастовало около 500 тысяч рабочих. В Берлине во время этой забастовки образовался

Совет рабочих депутатов. Бастующие рабочие потребовали мира без аннексий и контрибуций, хлеба и свободы. Забастовка длилась целую неделю и была задушена правительством и военщиной при активном участии лидеров социал-демократической партии.

Большевистская партия сразу после победы Октябрьской революции развернула упорную борьбу за мир. II Всероссийский съезд Советов 25 октября 1917 г. принял декрет о мире. Советское правительство предложило „всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире“. Германское правительство сделало вид, что оно согласно принять это предложение. 5 декабря в Бресте, ставке германского главнокомандующего Восточным фронтом, было подписано соглашение о перемирии, а 22 декабря начались переговоры о заключении мира. В ходе этих переговоров выявилась вся разбойничья природа германского империализма, который хотел отторгнуть от Советской России значительные части территории бывшей Российской империи, а из Польши, Украины и Прибалтийских стран создать зависимые от Германии государства. Все контрреволюционеры, в том числе троцкисты и бухаринцы, хотели во что бы то ни стало сорвать мирные переговоры. Все они хотели столкнуть Советскую Россию, не имевшую еще армии, с германским империализмом и руками германского хищника задушить советскую власть. Германские империалисты, воспользовавшись предательством Троцкого, сорвавшего переговоры в Бресте, коварно напали на молодую Советскую республику. 18 февраля немецкие войска возобновили наступление по всему русско-германскому фронту. Хищный враг хотел свергнуть советскую власть и превратить нашу родину в свою кдлонию. Остатки старой армии не могли устоять против вооруженных полчищ кайзеровской Германии и откатывались под ударами германской армии. Захватив Латвию и Эстонию, оккупанты уничтожили там советскую власть и учинили жестокую расправу с латвийскими и эстонскими рабочими и крестьянами. Угроза нависла над Петроградом. Несколько позднее (в апреле 1918 г.), сформированная немцами „Балтийская дивизия“ под командованием фон-дер-Гольца вторглась в Финляндию и помогла палачу финского народа генералу Маннергейму задушить рабочую революцию в Финляндии.

Но вооруженная интервенция немецких империалистов вызвала мощный революционный подъем в стране. В ответ на брошенный партией и Советским правительством клич „Социалистическое отечество в опасности“ рабочий класс

отвечил усиленным формированием частей Красной армии. Молодые отряды новой армии—армии революционного народа—героически отражали натиск вооруженного до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма—23 февраля—стал днем рождения молодой Красной армии¹.

3 марта 1918 г. в Бресте был подписан мирный договор между Германией и Советской Россией. Но и после подписания этого договора германские империалисты продолжали интервенцию против страны Советов. Получив сокрушительный удар под Псковом и Нарвой, немецкие захватчики приостановили свое продвижение на Петроград, но продолжали наступление на Украине и в Белоруссии. Еще во время переговоров в Бресте германское командование договорилось с представителями контрреволюционной Центральной Рады, изгнанной украинским народом с Украины, об оккупации германскими войсками Украины для восстановления власти помещиков и капиталистов. Захватывая Украину и Белоруссию, оккупанты повсюду уничтожали советскую власть и устанавливали зверский колониальный режим, режим карательных экспедиций, военно-полевых судов, виселиц и массовых расстрелов: „...германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ“...²—писал Ленин.

Центральная Рада оказалась беспомощной и неспособной выполнить данные ею обещания по поставкам сырья и продовольствия для Германии. Украинское крестьянство отказывалось давать хлеб и сырье оккупантам. Тогда германское командование разогнало Центральную Раду и поставило на ее место генерала царской армии Скоропадского, объявленного „гетманом всея Украины“. Германские интервенты собирались навсегда превратить Украину в свою колонию, в свое генерал-губернаторство. Они рассчитывали, что им удастся достать на Украине много хлеба, скота и руды и, таким образом, пополнить за счет богатой Украины свои иссякшие ресурсы. Уже заготавливались поезда, чтобы вывезти продовольствие в Германию. Но все эти планы германских насильников были сорваны украинским и белорусским народами, поднявшимися в союзе с русским народом, под руководством партии Ленина—Сталина на

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 207.

² Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 180.

отечественную освободительную войну против вторгшихся в страну полчищ кайзера Вильгельма II.

В оккупированных районах Украины и Белоруссии ярким пламенем разгорелась партизанская война; то здесь, то там вспыхивали вооруженные восстания рабочих и крестьян. Священной ненавистью и яростью зажгли сердца украинцев и белоруссов к немецким захватчикам и грабителям. По указанию партии Ленина—Сталина для оккупантов были созданы в захваченных ими районах невыносимые условия. Армия оккупантов оказалась бессильной в борьбе с великим народным движением. Сама немецкая армия в соприкосновении с революционным народом вскоре начала разлагаться и революционизироваться. В армиях германо-австрийских интервентов росло дезертирство, солдаты отказывались подчиняться приказам офицеров, начинали переходить на сторону восставших рабочих и крестьян, и, наконец, в отдельных частях стали возникать советы солдатских депутатов.

К осени 1918 г. германо-австрийская армия на Украине и в Белоруссии находилась в состоянии сильнейшего разложения. Германские генералы позорно бежали с Украины, а их войска, преследуемые Красной армией и партизанскими отрядами, в беспорядке отступали, бросая свое оружие, имущество и снаряжение. Германская оккупация Украины и Белоруссии закончилась полным крахом. Этот крах не только покончил с завоевательными планами вильгельмовской Германии на востоке, но и явился одной из основных причин полного поражения Германии в первую мировую войну. Восток приковывал к себе крупные германские силы, благодаря чему на западе в момент решающего наступления весной и летом 1918 г. сил не хватило. На востоке же началось разложение германской армии.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 1918 ГОДА

Навязав Советской России грабительский Брестский мир, германская военщина стала готовить огромное наступление на Западном фронте с целью разгрома англо-французских войск. Германия рассчитывала и своим противникам на западе навязать столь же грабительский мир, как и Брестский мир. Часть германских сил с востока была перебросена на запад; однако, на востоке все же было оставлено свыше 50 дивизий для грабежа оккупированных территорий и для борьбы против Советской России. Германская военщина и после заключения Брестского мира продолжала

ла лелеять мечту о вооруженном походе против страны Советов, о захвате Москвы и восстановлении власти помещиков и капиталистов. Соотношение сил на западе к началу 1918 г. складывалось, как казалось немецким генералам, в пользу Германии. „Соотношение сил складывалось для нас так благоприятно, как никогда“, — заявил об этом позднее генерал Людендорф в своих воспоминаниях о войне 1914—1918 гг. Английская и французская армии были ослаблены тяжелыми боями 1917 года.

Итальянская армия была разгромлена под Капоретто (октябрь 1917 г.) и временно могла совершенно не приниматься в расчет. Американская армия еще не прибыла во Францию и ранее середины 1918 г. союзники не могли рассчитывать на ее помощь в широких размерах. К марту 1918 г. во Франции находилось 6 американских дивизий, но из них ни одна не закончила своего обучения и не могла немедленно принять участие в боях.

Таковы были обстоятельства, которые, по мнению германского командования, должны были обеспечить германской армии победу на Западном фронте. Германскому командованию, благодаря переброске войск с восточного фронта, начавшейся с конца 1917 г., удалось создать на западе перевес в силах над англо-французскими армиями. Против 171 дивизии англо-французских войск немцы сосредоточили на западе 191 дивизию. Но несмотря на это количественное превосходство в силах, германское наступление в 1918 г. на западе все же было авантюрой, обреченной на провал. Армия Германии к этому времени потеряла значительную часть своей боеспособности и совсем не напоминала собой ту армию, которую имела Германия в начале войны, а „... внутри Германии и Австрии кипело возмущение народа против нескончаемой и губительной войны, против империалистических правительств этих стран, доведших народ до истощения, до голода“¹.

Продовольственный кризис в Германии к 1918 г. достиг наивысшей остроты. Германия и ее союзники буквально задыхались в тисках блокады, проводимой английским флотом. Сельское хозяйство и животноводство переживали глубокий кризис. Сократились посевные площади под зерновые культуры, снизилась урожайность, резко упала продукция сельского хозяйства; намного сократилось поголовье крупного рогатого скота. Вместо необходимого для взрослого работающего человека ежедневного минимума питательных веществ в 3000 калорий, летом

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 220.

1918 года число получаемых по карточкам калорий составляло всего 1000, т. е. норму двух-трехлетнего ребенка. Летом 1918 г. на одного человека в городах выдавалось по 160 граммов муки с отрубями и со всякого рода примесями (сухой картофель, бобовая мука, гороховая мука, ячмень, овес, кукуруза, сага, репа). С трудом выпекаемый из этой муки хлеб был очень невкусным, неудобоваримым и постоянно вызывал тяжелые желудочные и кишечные заболевания. Раз в неделю, и при том не всегда, выдавалось на одного человека 135 граммов мяса очень плохого качества, почти в 10 раз меньше того количества мяса, которое приходилось в среднем на одного человека до войны 1914 г. Жиры (масло, маргарин, растительное масло) почти совершенно отсутствовали. В результате постоянного недоедания и голода производительность труда рабочих сократилась на 40%. На много увеличилась смертность от голода, истощения и от всевозможных заболеваний. За 4 года войны в Германии умерло от голода и лишений 763 тыс. человек, из них около половины умерло в 1918 г. К этому надо добавить еще 150 тыс. человек, умерших от эпидемии гриппа осенью 1918 г. Эпидемия гриппа имела место и в армии, на фронте, и явилась одним из факторов, подрывавших боевую силу армии. Очень сильно сократилась рождаемость в годы войны, в особенности в 1918 г. Если исходить из средней рождаемости в Германии за последние 4—5 лет перед войной, то за годы войны родилось приблизительно на 4 миллиона меньше детей, чем за такое же количество лет мирного времени. Население повсеместно приобрело болезненный, исхудалый вид. Средний человеческий вес сократился на 20% (с 60 до 49 килограммов).

Еще более критическим было продовольственное положение Австро-Венгрии. Валовая продукция зерновых культур в 1917 и 1918 гг. была менее половины довоенной. В Вене в июне 1918 г. был введен самый низкий хлебный паек—115 граммов в день. Ниже этого не опускалась норма хлеба ни в одной из воюющих держав за все годы войны. Люди ежедневно падали и умирали на улицах от истощения и голода. Детская смертность приняла поистине угрожающие размеры. Рабочие волновались. Одна забастовка следовала за другой.

Снабжение армии хотя и было несколько лучшим, чем гражданского населения, но все же оставалось неудовлетворительным. Паек германского солдата был значительно ниже, чем в армиях Антанты. Ежедневный паек германского солдата-фронтовика в начале 1918 г. содер-

жал 2,5 тыс. калорий, в то время как во французской армии паек солдата равнялся 3,8 тыс. калорий, в английской—4193 калории и в американской—4714. Даже в период весеннего и летнего наступления 1918 г., когда снабжение фронта было несколько улучшено, питание немецкого солдата оставалось неудовлетворительным. Известный германский революционер Макс Гельц, солдат германской армии в годы войны 1914—1918 гг., в своих воспоминаниях „От белого креста к красному знамени“ рассказывает: „Мы получали в день по столовой ложке повидла и такое ничтожное количество хлеба, что от слабости едва держались на ногах. Вместе с тем, приходилось ежедневно совершать переходы от 40 до 50 км. На полях, на улицах валялись десятки расстрелянных людей; из лошадиных туш, остававшихся иногда в течение целого дня на солнцепеке, солдаты вырезали куски мяса, которые они даже не проваривали. У большинства из них не было ни соли, ни других припасов. С невероятной жадностью они поглощали это „блюдо“, чтобы хоть чем-нибудь утолить мучительный голод“.

Сырьевые ресурсы Германии к 1918 году были почти полностью исчерпаны. Германия не могла существовать без импорта сырья из-за границы. Перед войной 1914 г. Германия ежегодно импортировала почти на 6 миллиардов марок сырья и полуфабрикатов, в том числе цветные металлы, нефть, каучук, хлопок, шерсть, лесоматериалы и другие виды сырья. Теперь из-за блокады, проводимой английским флотом, импорт сырья почти совершенно прекратился. Только кое-что удавалось Германии получать из нейтральных стран (Голландия, Дания, Швеция, Норвегия), но и этот источник снабжения к концу войны сильно сократился в виду ограничений, установленных английским правительством для импорта этих стран. Особенно острой была нехватка таких видов сырья, как кожа, хлопок, шерсть. 60% обуви в 1918 г. в Германии делалось на деревянной подошве, а недостаток тканей приводил к тому, что власти призывали население не быть „расточительным“ и хоронить мертвецов в одежде из бумаги.

В тылу, благодаря непрерывным мобилизациям, падению производительности труда, росту смертности и заболеваемости, ощущалась острая нехватка рабочей силы. Это сильно отражалось на работе военной промышленности и производстве боеприпасов. Уже в 1916 г. Германия лишилась того превосходства в вооружении и боеприпасах, какое ее армия имела в начале войны. Выплавка стали падала с каждым годом войны. С 18,3 млн. тонн в

1913 г. она упала до 11,8 млн. тонн в 1918 г. Программа производства вооружения и боеприпасов, так называемая „программа Гинденбурга“, не выполнялась из-за недостатка сырья и рабочей силы. По этой же причине Германия так и не смогла до самого конца войны наладить производство танков, сыгравших крупную роль в операциях англо-французских войск в 1918 году. Повсеместно усилились антивоенные настроения, в особенности после заключения Брестского мира. Германские рабочие на примере России могли убедиться, что только путем свержения своего империалистического правительства можно добиться мира. Недовольство режимом военной диктатуры становится всеобщим и не только среди народных масс, но отчасти и в буржуазных кругах, потерявших веру в победу. Правительства отдельных германских государств, в особенности в южной Германии (Бавария и др.), выражают недовольство диктатурой „Берлина“ и усилием прусской военщины. Союзники Германии стремятся обособиться от нее и заключить сепаратный мир с Антантой. Они еще боятся Германии, но они ее ненавидят и проклинаят.

Немецкие солдаты, перевозимые с Восточного фронта на Западный, разлагали германскую армию своими рассказами о русской революции. Эти солдаты, братавшиеся на востоке с русскими солдатами, не хотели продолжать войну. Они в своих письмах на родину еще летом 1917 г. писали, что „нужно сделать так, как в России, чтобы освободиться от проклятого милитаризма“. В захваченных советских городах они часто демонстрировали совместно с рабочими под красными знаменами и лозунгами: „Долой четырехлетнюю бойню!“, „Долой Вильгельма!“, „Войне капут!“ Дисциплина среди них отсутствовала. Офицеров они встречали криками: „Бейте их“, „Вытаскивайте ножи!“ Нередки были случаи убийства наиболее ненавистных офицеров. Среди солдат оккупационной армии и военнопленных часто вспыхивали мятежи и восстания, когда им объявлялось решение командования отправить их на запад. Имели место многочисленные случаи дезертирства. На вагонах воинских транспортов, перевозивших солдат из России, появлялись революционные надписи и лозунги: „Мы боремся не за честь Германии, мы боремся за миллионеров“, „Долой войну!“, „Да здравствует Франция“, „Да здравствует революция!“, „Смерть толстопузым!“ При прибытии эшелонов на вокзалы из окон поездов высовывались красные знамена. При отъезде солдат с вокзалов из окон поездов летели камни, а нередко и ручные гранаты. Часто солдаты на остановках устраивали митинги, при этом

раздавалось „ура“ в честь Карла Либкнехта. Настроение этих солдат было таково, что многие командиры частей на западе отказывались принимать „пополнения“, прибываемые с востока, опасаясь разложения и остальной армии.

„Германская армия,—говорит Ленин,—не потому оказалась негодной, небоеспособной, что была слаба дисциплина, а потому, что солдаты, отказавшиеся сражаться, с восточного фронта перенесены на западный немецкий фронт и они перенесли с собой то, что буржуазия называет мировым большевизмом.

Вот почему германская армия оказалась небоеспособной...“¹.

Революционизирующее влияние Восточного фронта на германских солдат признавало и само германское командование. Генерал Куль, начальник штаба армейской группы кронпринца Баварского Рупрехта в своих показаниях перед комиссией рейхстага, созданной для расследования причин крушения Германии в 1918 г., говорил: „Солдаты, переведенные с русского фронта на запад, были заражены событиями в России и против воли отправлялись на западный театр ожесточенной борьбы. Часть освобожденных из русского плена солдат была определенно подвергнута влиянию большевизма“.

ГЕРМАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗАПАДЕ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1918 г. „ВТОРАЯ МАРНА“

21 марта 1918 г. германская армия начинает генеральное наступление на западе. С перерывами это наступление ведется до 18 июля 1918 г.

Германское командование назвало это наступление „штурмом за мир“, „наступлением в целях достижения мира“, наступлением, которое нанесет „смертельный удар“ по англо-французским армиям. Командование уверяло солдат, что это будет последнее наступление, которое принесет Германии давно желанный мир. Только благодаря этим заверениям, офицерам удалось погнать усталых и измученных четырехлетней бойней солдат в наступление. Однако, несмотря на это, по признанию самого Людендорфа, некоторые дивизии „явно неохотно шли в атаку“.

Первый удар германских армий был направлен против английской армии на участке фронта между Аррасом и Ла-Фером. Успешный прорыв фронта на этом участке приводил к отделению английской армии от французской;

¹ Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 259.

германская армия прорывалась к морю и окружала английские и бельгийские силы, находившиеся во Фландрии; французская армия отбрасывалась к Парижу. Ближайшей целью этого наступления был захват важнейшего железнодорожного центра—Амьена. Для наступления немцы сконцентрировали на сравнительно небольшом отрезке фронта 50 ударных дивизий.

21 марта, в 4 ч. 30 м. утра, 6200 орудий и 1000 минометов германцев открыли ураганный огонь по позициям англо-французских войск. Артиллерийская бомбардировка продолжалась в течение 5 часов. В 9 ч. 30 м. утра германская пехота вышла из своих укрытий и пошла в атаку. Британский фронт был прорван на участке длиной в 40 миль. 5-ая английская армия была опрокинута и в сильно расстроенном виде начала отступать в направлении на Амьен. Создалось угрожающее положение для англо-французских армий; между ними образовалась брешь шириной в 20 километров, куда и устремились наступающие германские части. Орыв англичан от французов казался неминуемым. Чтобы усилить панику среди французов, немцы подвергли Париж обстрелу из дальнобойных орудий.

Сильная тревога царила в эти дни в правительственных и военных кругах Антанты. Английский главнокомандующий фельдмаршал Хейг уже готов был отдать приказ об эвакуации английской армии из Франции. Французский главнокомандующий генерал Петэн требовал, чтобы правительство готовилось к эвакуации Парижа. Из Англии спешно прибыли во Францию руководящие члены английского правительства: Ллойд-Джордж, Уинстон Черчилль и лорд Мильнер.

Продвижение немцев продолжалось до 5 апреля, а затем приостановилось ввиду нехватки резервов и крайнего истощения армии. У Амьена, который союзники решили защищать любой ценой, спешно переброшенные французские резервы задержали немцев. За время своего наступления немцы продвинулись вперед на 60 километров. Английская армия, против которой был направлен главный удар, понесла большие потери в людях, в вооружении и боеприпасах. Но намеченные стратегические цели достигнуты не были: немцам не удалось отделить французскую армию от английской; Амьен не был взят; до Амьена оставалось еще 16 километров.

Дисциплина в немецкой армии явно падала. Изголодавшиеся немецкие солдаты больше всего интересовались продовольственными и винными складами англичан и подолгу во время наступления задерживались у них. Ника-

кими угрозами нельзя было заставить их двигаться дальше, раньше, чем они не наедались досыта у английских складов. „Войска,—признает генерал Людендорф,—не всегда твердо находились в руках у офицеров. Войска задерживались у попадавшихся им продовольственных складов и вследствие этого теряли драгоценное время“.

Мартовское наступление германцев и угроза, которую это наступление создало для англо-французских армий, заставили их еще теснее сплотиться друг с другом. На конференциях союзников в Дуллане и Бовэ было решено создать единое верховное командование союзников в лице маршала Фоша, бывшего до этого начальником генерального штаба французской армии. Последующим решением английского и французского правительств Фошу было присвоено звание „верховного главнокомандующего союзными армиями во Франции“. Создание единого командования позволило союзникам полностью использовать все свои материальные и человеческие резервы.

Союзники обратились также к американскому президенту Вильсону с просьбой ускорить присылку американских войск во Францию. В результате этого обращения к Вильсону с мая 1918 г. во Францию стали ежемесячно прибывать по 250 тысяч американцев.

За первым ударом немцев вскоре последовал второй, на этот раз на участке фронта английской армии, на реке Лис, во Фландрии. Наступление во Фландрии велось с 9 по 29 апреля. Германское командование ставило своей целью оттеснить англичан к морскому побережью, а если возможно, то и сбросить их в море и захватить в свои руки порты Северного моря и Ламанша. Снова был достигнут крупный успех. Английская армия, как и во время первого наступления немцев, понесла большие потери. Немцы продвинулись вперед на 30 километров и получили возможность обстреливать угольные копи Бетюна и железные дороги, перевозившие уголь французам. Но стратегическая цель, как и прежде, достигнута не была: прорыв к морю не удался. При помощи слешно переброшенных на север французских резервов англичане устояли и сохранили в своих руках северное побережье и порты Ламанша. Дюнкерк и Калэ не были взяты немцами. До Калэ им оставалось еще 60 километров.

Потери английской армии за время этих двух германских наступлений составили около 300 тысяч. Почти все дивизии английской армии сильно пострадали. Из 60 дивизий англичан, находившихся во Франции, 55 приняли участие в мартовских и апрельских боях. Французская армия

в этих боях понесла гораздо меньшие потери: 92 тысячи. Потери немцев с 21 марта по 29 апреля составили: 12807 офицеров и 325 тыс. солдат.

После окончания битвы во Фландрии целый месяц на западе прошел в затишьи. Обе стороны готовились к новым сражениям. Немцы перегруппировывали свои силы и приводили в порядок свои изрядно потрепанные дивизии. Англо-французы в ожидании нового германского удара поспешно укрепляли свои позиции.

27 мая германское командование в третий раз в 1918 г. бросает своих солдат на штурм позиций противника. На этот раз удар был направлен против французов на фронте между Реймсом и Суассоном в направлении на Париж и имел целью захват французской столицы. Снова был одержан значительный успех. Немцы продвинулись вперед на 60 километров и подошли к реке Марне, к тому самому месту, к которому они подходили в сентябре 1914 года. Париж опять был подвергнут обстрелу из дальнобойных орудий. Над Парижем появились германские цеппелины и аэропланы. Паника охватила население Парижа. В течение нескольких дней из Парижа в провинцию выехало 500 тысяч жителей. Французский главнокомандующий Петэн не надеялся удержать Париж в своих руках и предлагал французскому правительству покинуть Париж. Но по настоянию верховного главнокомандующего союзными армиями Фоша этот план был отвергнут.

Германское командование во что бы то ни стало хотело прорваться к Парижу, но сил для этого не хватило. До Парижа оставалось еще 70 километров. Истощение и усталость солдат, израсходование резервов заставили немцев 18 июня прекратить атаки, так и не выполнив поставленной цели.

Снова на целый месяц на западе установилось относительное спокойствие. Немцы не имели свежих сил, чтобы сразу возобновить наступление. Им потребовался целый месяц, чтобы привести в порядок свои потрепанные дивизии и подготовить их для новой атаки.

Победы, одержанные немцами в трех сражениях, несколько не приблизили их к окончанию войны. Боевой дух англо-французских армий сломлен не был. Огражая германские атаки, они одновременно накапливали силы для решительного контр наступления. Правительства Англии, Франции и США были полны решимости продолжать войну до полного разгрома германской армии.

Пессимизм и неверие в успешное окончание войны начинают появляться в правящих кругах Германии. Министр

314951

иностранных дел Германии фон-Кюльман 24 июня с трибуны рейхстага заявил, что мир вряд ли достижим одними военными средствами, без дипломатических переговоров. За это он был, по настоянию Гинденбурга и Людендорфа, немедленно прогнан со своего поста и заменен пангерманистом и заядлым реакционером морским офицером фон-Гинце, занимавшим до этого пост германского посланника в Норвегии. Сомнения в победу Германии закрадываются и в среду военной верхушки, ближайшего окружения Гинденбурга и Людендорфа. Кронпринц Баварский Рупрехт, командующий одной из четырех армейских групп, ряд высших офицеров генерального штаба, полковник Гефтен, полковник Бауэр, майор Ниман, считали, что настало время для начала мирных переговоров. Чтобы достичь соглашения с западными державами, они выражали готовность отказаться от всех завоеваний на западе и даже от военно-морского флота, который оказался совершенно бесполезным во время войны. Но непременным условием мира и они считали сохранение за Германией всех ее завоеваний на востоке.

Верховное командование Германии, опьяненное „победами“ над англо-французами, все еще питало надежду на разгром своих противников. Оно и слышать ничего не хотело о мире на основе соглашения и отказа Германии, хотя бы от части сделанных ею завоеваний как на западе, так и на востоке. Людендорф все еще продолжал заверять правительство, что он победоносно закончит войну в 1918 году. Вновь назначенному министру иностранных дел фон-Гинце Людендорф заявил, что он попрежнему верит в возможность путем наступления сломить силу врага и принудить его к миру. Подобные же заверения он неоднократно давал и рейхсканцлеру графу Гертлингу. Людендорф все еще не оставлял мысли и о свержении советской власти в России. В начале июня верховное командование разработало новую программу „восточной политики“, которая предусматривала завоевание всей европейской части Советской республики и уничтожение большевизма в России.

15 июля началось новое (и последнее) наступление германской армии на реке Марне. В ночь на 16 июля германская 7-я армия переправилась через Марну и двинулась в направлении на Париж. Разыгралась вторая битва на Марне. Но она продолжалась очень недолго. Резервы союзников к этому времени были подготовлены для перехода в контрнаступление. 18 июля Фошу удалось приостановить германское наступление. Пустив в ход 250 танков, за которыми следовала пехота, французы внезапно атако-

вали немцев из леса Виллер-Котрэ и отбросили их с большими потерями на северный берег Марны. Отход немцев продолжался до начала августа, когда им удалось закрепиться на линии р. Вель. При отступлении немцев в руки французов попали 30 тысяч пленных, более 600 орудий, 200 минометов, 3000 пулеметов. „Но главное,—пишет маршал Фош,—было подорвано моральное состояние германской армии и повысилось моральное состояние войск союзников: после вынужденной 4-месячной обороны, вызванной превосходством сил противника, победоносное контрнаступление перешло в наши руки инициативу операций“.

„Вторая Марна“ закончилась полной победой французов и поражением немцев. 18 июля явилось поворотным пунктом в кампании 1918 года. Начиная с этого времени, инициатива переходит к англо-французскому командованию и остается у него до окончания войны. Германская армия вынуждена была перейти на положение обороны и отказаться от дальнейших наступательных операций. Первый период кампании 1918 года, период германского наступления, во время которого германская армия потеряла убитыми, ранеными и пленными около 800 тысяч, окончился, начался второй период кампании, период англо-франко-американского наступления. Расчет германского командования разбить англо-французские армии до прибытия американцев во Францию не оправдался. „Сражение за Францию“ не принесло немцам победы. К концу лета 1918 г. во Франции было уже 1550 тысяч американских солдат. Правда, не все из них еще закончили свое обучение, но уже один тот факт, что они были во Франции и что огромная американская армия, свежая, не истощенная, готова вступить в сражение, поднимал дух англо-французских войск и, наоборот, подрывал моральное состояние немецких солдат. Им было ясно, что появление на фронте американской армии приведет к верному краху Германии. В своих письмах на родину солдаты прямо заявляют: „Война абсолютно проиграна, ибо ведь прибыли на фронт американцы“.

Людские резервы Германии к этому времени были полностью израсходованы. „Уже невозможно было возместить наши тяжелые потери. Наши подкрепления были исчерпаны“. Так говорил впоследствии генерал Куль в следственной комиссии германского рейхстага. Пришлось снизить число рот в батальоне с четырех до трех и расформировать целые дивизии. Но несмотря на это, количество бойцов в батальонах значительно уменьшилось. С 807 строевых солдат в батальоне в феврале 1918 года состав батальона

низились до 660 в августе. Но реальная боевая мощь батальона была значительно ниже, так как при подсчете боевого состава учитывали не только больных, находившихся в госпиталях или в отпуску, не только солдат в очередном отпуску и в командировках, но и тех, которые числились пропавшими без вести в продолжение 2—3 месяцев, а число этих последних непрерывно возрастало в течение всего лета.

Германия мобилизовала за годы войны 19,7% своего 67-миллионного населения—всего 13,250 тыс. человек. Уже в июне 1918 г. верховное командование призвало в армию очень значительную часть контингента призыва 1919 г, призыв 1920 г. также был частично взят на военную службу. По приказанию верховного командования военное министерство провело новое „прочесывание“ тила: часть рабочих военных предприятий, пользовавшихся до сих пор отсрочкой, была мобилизована в армию. Даже писари из штабных канцелярий и те были брошены командованием на фронт. Но все это не могло восполнить огромных потерь, понесенных Германией, а тем более способствовать сохранению прежнего соотношения сил после появления на фронте американской армии. Линия фронта, по признанию Людендорфа, несмотря ни на что оставалась „жидкой“.

„ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ“

24 июля 1918 г. главнокомандующий союзными армиями маршал Фош собирает в своей ставке в Бонбоне главнокомандующих английской, французской и американской армий и читает им свою памятную записку. Записка подводила итог операциям первой половины 1918 г. и намечала план ближайших операций союзных армий. „Настало время,—заявил Фош,—отказаться от оборонительного образа действий, диктовавшегося до сих пор относительной численной слабостью, и перейти в наступление“.

В качестве ближайших задач союзных армий Фош намечал операции у Амьена и Сен-Миеля с целью ликвидации германских выступов в этих районах, и операции, имеющие целью ликвидировать угрозу северному горно-промышленному району и окончательно оттеснить противники от района Дюнкерка и Калэ.

8 августа произошло англо-французское наступление в районе Амьена, бывшее, по оценке немецких генералов, для германской армии катастрофой. Сам Людендорф в своих воспоминаниях о войне 1914—1918 гг. называет

8 августа „самым черным днем германской армии в истории мировой войны“.

Совершенно неожиданно для немцев рано утром этого дня, в 5 ч. 20 м. утра, артиллерия союзников открыла ураганный огонь по немецким позициям. Танки и пехота англо-французов обрушились на слабые и плохо укрепленные позиции немцев. Атака англо-французов закончилась блестящей победой союзников. Угроза Амьену и железной дороге Париж-Амьен была ликвидирована. Германская армия за один только день 8 августа вынуждена была отступить на 11 километров, потеряла 650—700 офицеров, 26—27 тысяч солдат, свыше 400 орудий, огромное количество пулеметов, минометов и прочего боевого снаряжения. Некоторые штабы немецких полков целиком попали в руки союзников. Большая часть германских потерь в этот день падает не на убитых и раненых, а на пленных, что свидетельствовало о низком моральном уровне германской армии: $\frac{2}{3}$ потерь немцев падает на пленных и $\frac{1}{3}$ —на убитых и раненых. Немецкие солдаты обнаружили явное нежелание сражаться. Офицерам приходилось с револьверами в руках и угрозами расстрела задерживать бежавших с передовых позиций солдат. Целые части бросали винтовки и орудия и сдавались в плен. Солдаты, по выражению одного германского офицера, участника этого сражения, представляли „безоружный сброд“. Свежим войскам, которые шли в атаку, отступающие кричали: „Штрейкбрехеры!“, „Вам еще мало войны!“.

Вторая германская армия, против которой было направлено наступление союзников, была полностью разгромлена. 16 германских дивизий были разбиты и уничтожены. В числе этих дивизий была: 43-я резервная дивизия, 117, 119, 108-я пехотные дивизии, которые были переброшены на запад с Восточного фронта. В составе остальных дивизий было много солдат младших возрастов, взятых из дивизий, оставленных на востоке, где их заменили солдатами старших возрастов. Боеспособность частей 2-й германской армии расценивалась очень низко. Командование армии считало, что свыше половины дивизий непригодны для крупного сражения. Многие дивизии находились в окопах с мая—июня 1918 года. Солдаты были изнурены непрерывными боями до последней степени. Части имели большую нехватку в личном составе. В некоторых ротах насчитывалось по 20—25 бойцов, а в батальонах—по 150. Острой была нехватка в офицерских кадрах: ротами зачастую командовали фельдфебели. Плотность войск на отдельных участках фронта была чрезвычайно низкой. Германские позиции были обо-

рудованы очень плохо. На передовой линии были лишь наспех вырытые окопы; блиндажи отсутствовали. Германское командование совершенно не было подготовлено к отражению атаки и не ожидало этой атаки. Донесения с фронта о сосредоточении большого числа танков в районе Амьена высшими штабами не принимались всерьез. Готовящуюся танковую атаку считали „химерой“, а слухи о ней следствием „нервозности“ войск.

Канадский и австралийский корпуса, входившие в состав 4-й английской армии, на которые пала главная тяжесть наступления 8 августа, считались одними из лучших частей английской армии. Боеспособность их расценивалась очень высоко. Превосходство техники было явно на стороне союзников. Союзники пустили в ход 450 танков, германская армия не могла противопоставить им ни одного танка. Авиация союзников бесспорно господствовала в воздухе. Части, участвовавшие в амьенской операции со стороны союзников, имели свыше 500 самолетов, а со стороны немцев—200—250. Превосходство в артиллерии было также на стороне англо-французов. Союзники имели 2500 орудий против 1000 орудий немцев, к тому же имевших недостаточный запас снарядов, что вынудило их прекратить огонь через несколько часов после начала сражения. Наступление союзников было тщательно подготовлено. Все приготовления проводились скрытно от немцев, ничего не подозревавших до самого утра 8 августа о готовящейся атаке. Сосредоточение войск и танков, участвовавших в наступлении, производилось преимущественно ночью. Район сосредоточения старательно охранялся авиацией. Шум движения танков, подтягиваемых к передовой линии, заглушался самолетами. Скрытность всех приготовлений от немцев и внезапность атаки в немалой степени содействовали успеху союзников. „Амьенское сражение,—пишет начальник штаба 4-й английской армии генерал Монгомери,—фактически было выиграно еще до того, как началась атака“.

После „катастрофы 8 августа“ генерал Людендорф, по его собственному признанию, пришел к выводу, что „войну надо было кончать“.

Через 6 дней после сражения 8 августа, 14 августа, в бельгийском городке Спа, в ставке верховного командования, под председательством кайзера Вильгельма II, состоялось заседание коронного совета. Решено было приступить к мирным переговорам через посредство какой-либо нейтральной державы. Но эти переговоры должны были начаться лишь после ближайшего успеха на Западном фронте.

Однако ожидаемого успеха так и не было. Напротив, военное положение Германии и ее союзников после 8 августа продолжало резко ухудшаться. Англия и Франция, поддерживаемые США, пуская в ход свежие силы и огромное количество танков, не давая немцам ни минуты передышки, наступали. Германская армия отступала. За время боев с 8 августа по 8 сентября немцы только одними пленными потеряли 150 тысяч человек; в руки союзников попало более 2000 орудий, 13000 пулеметов. В начале сентября германская армия отошла на те позиции, которые она занимала перед началом наступления в марте 1918 года (на так называемую „линию Гинденбурга“). С таким трудом и с такими потерями завоеванная территория была теперь потеряна. Но и на этой позиции германской армии не удалось долго удержаться. Атакуемая превосходящими силами англо-французов, германская армия с большими потерями откатывалась к собственным границам.

Намеченная Фошем еще 24 июля операция по захвату Сен-Миэльского выступа была проведена 1-й американской армией при поддержке французов. Это была первая самостоятельная операция американской армии, проведенная под руководством американского командования, и она, по словам Ллойд-Джоржа, „заставила немцев проникнуться уважением к боеспособности американцев“. 12 сентября после 4-часовой артиллерийской подготовки, в которой участвовали почти 3000 орудий, началась главная атака, поддержанная танками и авиацией. Атака была проведена с такой силой и решительностью, что немцам нигде не удалось отразить ее. В руки 1-й американской армии попали 14000 пленных и 460 орудий.

Это был блестящий успех американской армии.

К концу августа и началу сентября все операции, намеченные Фошем в его записке от 24 июля, были закончены. На ряде участков фронта союзные армии продвинулись даже дальше, чем это было намечено Фошем. Линия фронта в результате отступления немцев сократилась с 910 до 740 километров. Теперь на очереди стояло общее наступление союзных армий по всему фронту от Мааса до Северного побережья, которое должно было окончательно сокрушить германскую армию. Это наступление и началось 26 сентября.

Несмотря на определившееся военное поражение Германии, верховное командование, правительство и империалистические круги не хотели отказываться от выработанной ранее широкой программы захватов, рассчитанной на победу Германии. Интервенция на востоке продолжалась

и захватывала все новые и новые районы, хотя между Советской Россией и Германией существовал мирный договор. Германские империалисты отторгли от Советской России Закавказье: Азербайджан и Грузию. В августе 1918 года Советской России был навязан новый договор, так называемый „дополнительный договор“ (дополнительный к Брестскому миру), являвшийся новым проявлением лютой вражды кайзеровской Германии к молодой Советской республике. От Украины германские империалисты ни за что не хотели отказываться. Еще в середине октября Людендорф заявлял, что „Украину необходимо сохранить, потому что она нам безусловно нужна в экономическом и военном отношении“. Споры между Германией и Австрией по польскому вопросу, несмотря на приближающуюся военную катастрофу, продолжались. Вопросом о том, кому достанется польская корона, Габсбургам или Гогенцоллернам, занимались до последних дней войны. Но, независимо от этого, Людендорф настаивал еще в конце августа на присоединении к Пруссии польского каменно-угольного бассейна, Беловежской пуши и ряда других районов Польши. Германские монархи все еще делили между собой короны Прибалтийских стран. Вильгельм II, уже получивший корону Курляндского герцогства, рассчитывал получить еще короны Эстляндии, Лифляндии и Литвы, против чего возражали остальные германские монархи, также заявлявшие претензии на эти короны. Верховное командование отказывалось пойти на какие-либо уступки в бельгийском вопросе и не соглашалось дать обязательство о восстановлении независимости Бельгии. Кайзер и его генералы по-прежнему настаивали на аннексии Германией больших частей французской территории и, прежде всего, на аннексии областей, богатых железом—Брие и Лонгви. Гроби-тельская, разбойничья природа германского империализма, таким образом, полностью сохранилась до последних дней крушения в 1918 году.

РАЗЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ НА ЗАПАДЕ. РАСПАД ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ МАШИНЫ

К осени 1918 г. германская армия перестала быть бое-способной, она находилась в состоянии глубокого разло-жения. Дивизий, вполне пригодных для наступления, уже не было. Имевшиеся дивизии были пригодны к обороне лишь на сравнительно спокойных участках фронта. Часть дивизий безусловно нуждалась в расформировании. В авгу-сте 1918 г. было расформировано 10 дивизий, в октябре—

22; остатки этих дивизий были перераспределены по другим дивизиям. Боевая мощь батальонов, за вычетом нестроевиков, составлявшая к началу октября 250 человек, упала к концу этого месяца до 142 человек. В конце октября дивизии насчитывали в большинстве случаев от 800 до 1200 бойцов, имелись и такие дивизии, в которых в результате тяжелых боев 1918 г. оставалось по 300—400 человек. Почти все дивизии нуждались в пополнении, отдыхе, обучении. Нехватало офицеров, артиллеристов, пулеметчиков. Истощение лошадей и большая убыль в них привели к тому, что многие дивизии принуждены были бросать артиллерию и военное имущество. Наличный автотранспорт не мог быть полностью использован ввиду отсутствия резины и жидкого горючего.

Страшная усталость овладела солдатами. Ввиду отсутствия резервов германское командование не имело возможности производить частую смену дивизий на передовых позициях. Некоторые дивизии по нескольку месяцев находились на передовых позициях и вели непрерывные бои с наседающим противником. Солдаты все время оставались под открытым небом, так как при отступлении некогда было создавать закрытые позиции. Солдаты износились, одежда на них поизорвалась, они обовшивели. Сознавая полную бесцельность дальнейшего сопротивления, солдаты не хотели сражаться и настойчиво требовали мира. Они все более и более убеждались, что война, которую ведет Германия, есть грабительская, захватническая война и что у Германии нет никаких шансов выиграть войну. Клички „затягиватели войны“, в особенности в отношении артиллеристов, крики „штрейкбрехеры“ и грубые ругательства по адресу частей, идущих на линию огня, раздавались повсюду. Со всех сторон несутся возгласы: „Войну не затягивать“, „Мы сами должны кончить войну“. В своих письмах на родину солдаты заявляют: „война идет на пользу капиталистам“, „нам не нужна Украина“, „дальнейшие успехи Германии только удлинит войну“, „поражение принесет нам желанный мир“.

Военная машина Германии к этому времени была полностью дезорганизована. Дисциплина в армии падала с каждым днем. Жалобы офицеров на угрожающий рост дезертирства, на неповиновение солдат и на угрозы их расправиться с офицерами слышатся сплошь и рядом. Самого Гинденбурга на одном из вокзалов солдаты встречают криками: „Убейте его, мы хотим мира!“ Портретов Гинденбурга, Людендорфа и кайзера нельзя было показывать в кино, солдаты встречали их свистом. Оркестрам,

игравшим шовинистический гимн, „Германия, Германия превыше всего!“ кричали: „Вон с этими песнями!“ Солдаты, отправлявшиеся в отпуск на родину, либо совершенно не возвращались оттуда, либо возвращались в свои части с большим опозданием. Даже и при желании они часто не могли вернуться в срок обратно, так как никто не мог им указать точного местонахождения их части. В результате этого огромные толпы отпускников и дезертиров бродили за линией фронта, запружали железные дороги, станции и вокзалы, дезорганизуя и без того плохо работающий транспорт.

Еще более глубокому разложению подверглась оккупационная армия в Бельгии. Тысячи дезертиров бродили по Бельгии, занимаясь грабежом мирного населения. Дезертиры настолько осмелели, что даже нападали на германские транспорты с продовольствием и грабили их. Солдаты завязывали связи с бельгийским населением, продавали ему шинели, сапоги, брезент и прочее военное имущество. Ежедневно многие солдаты заявляли своему начальству о пропаже вещей и снаряжения. В действительности же они продавали их местному населению. Солдаты очень неохотно меняли пребывание в гарнизонах и лазаретах на фронтовую жизнь. Некоторые из них преднамеренно калечили себя, заражали себя венерическими болезнями, о чем они открыто говорили в кругу своих товарищей. На фронт солдат отправляли с большим трудом. Часто их приходилось при этом уговаривать. Если отправка происходила вечером или ночью, то по дороге к вокзалу солдаты зачастую бросали вооружение. В садах и на бульварах, после прохождения частей, отправляемых на фронт, население подбирало ружья, стальные шлемы, газовые маски и прочие предметы вооружения. Часто эти же предметы, после отправки солдат на фронт, находили в казармах, так как солдаты считали излишним брать их с собой. „С каким чувством удовлетворения должны были наблюдать бельгийцы эти признаки разложения среди ненавидимых ими бошей“—замечает по этому поводу один германский офицер. Дезертирство среди солдат принимало угрожающие размеры. Ни один транспорт не отправлялся на фронт, не потеряв 10—15% своего состава; позднее эти потери стали еще большими. Некоторых из бежавших возвращали обратно на фронт. Их не привлекали к судебной и дисциплинарной ответственности, так как в этом случае их отправка на фронт задержалась бы, а с ближайшим транспортом снова отправляли на фронт.

Что касается австро-венгерской армии, то она стала разлагаться еще раньше, чем германская. Постоянные поражения, которые испытывала от русских австрийская армия и многонациональный состав этой армии, ускорили ее разложение. Многонациональная Австрийская империя угнетала чехов, словаков, сербов, поляков, венгров и другие народы. Угнетенные национальности уже давно отказывались сражаться за чуждые им интересы австро-германского империализма. Чехи и словаки целыми частями переходили на сторону братского русского народа. Армия Австрии давно уже страшно голодала, была раздета, не имела обуви. На фронте каждый третий солдат не имел шинели. В силу всех этих причин признаки разложения в австрийской армии стали сказываться еще раньше, чем в германской.

По настоянию германского командования австрийская армия в июне 1918 г. предприняла наступление на итальянском фронте на р. Пьяве. Наступление не имело никакого успеха. Австрийская армия к этому времени была настолько истощена, что даже итальянская армия, которую всегда били все армии мира, в том числе и австрийская армия, на этот раз не побежала с поля сражения, а заставила австрийцев отступить за р. Пьяву. После провала этого наступления началось ускоренное разложение австрийской армии, появилось массовое дезертирство. Дезертиры составляли целые вооруженные „зеленые отряды“, вступавшие в настоящие сражения с высылаемыми против них воинскими частями.

Неудивительно поэтому, что тяга к миру среди солдат австрийской армии была еще более сильной, чем среди солдат германской армии, где до поры до времени разложение сдерживалось „победами“, одерживаемыми немцами. Австрийские правящие круги, в том числе и император Карл, понимая, что затяжка войны приведет к распаду Австро-Венгрии и к революции, уже давно, начиная с конца 1916 г., пытались тайком от Германии добиться сепаратного мира с Антантой. Летом 1918 года, в особенности после провала германского наступления на западе, австрийское правительство неоднократно заявляло Германии, что оно дальше вести войны не может, что необходимо немедленное заключение мира. „Мы не можем ждать ни одного дня“—говорил австро-венгерский министр иностранных дел граф Буриан. 14 сентября 1918 г. Австро-Венгрия самостоятельно обратилась с мирной нотой ко всем воюющим державам, предлагая им немедленно начать переговоры о мире. Но этот запоздалый шаг не имел ни-

какого успеха у Антанты, которая тогда еще не знала, что австрийская нота появилась против воли берлинского правительства. Антанта теперь не хотела вступать в переговоры о мире с Австрией и Германией, ожидая их капитуляции и сдачи на милость победителя. Французский премьер-министр Клемансо, в ответ на ноту Австрии, 17 сентября произнес во французском сенате речь, в которой сказал: „Не существует никакого оправдания для преступления, совершенного Центральными державами. Час расплаты настает и должен произойти.“ Французский министр иностранных дел Пишон передал номер правительственной газеты, где была напечатана речь Клемансо, швейцарскому посланнику с замечанием, что это и есть ответ правительства Французской республики на ноту венского кабинета.

Точно также не имела никакого успеха и Германия в конце сентября, когда она попыталась завязать переговоры о мире с Антантой через голландское правительство. Антанта не обнаруживала никакой склонности пойти навстречу Германии. Теперь после германских поражений на западе и прорыва болгарского фронта на Балканах было ясно, что Германия долго продержаться не сможет, что не сегодня—завтра она капитулирует перед своими противниками.

ГЕРМАНИЯ ПРОСИТ ПЕРЕМИРИЯ И МИРА

15 сентября союзные армии на Балканах (сербы, англичане, французы и греки) начали большое наступление на Салоникском фронте против болгар, поддерживаемых немцами и австрийцами. Наступление союзников было быстрым и сокрушительным. Позиции болгар в горах, считавшиеся неприступными, были взяты штурмом. Болгарский фронт был прорван, и дорога на Софию была союзникам открыта. Вести войну дальше Болгария не имела никакой возможности и 26 сентября запросила у союзников перемирия и мира. 29 сентября болгарские уполномоченные в Салониках подписали перемирие, продиктованное союзными державами, на основе полной капитуляции Болгарии. Вскоре в Болгарии началась революция.

С одним из союзников Германии было покончено. Прямое железнодорожное сообщение с Турцией было прервано. Создалась угроза германскому тылу в Румынии, оккупированной немцами, а дальнейшее продвижение союзных армий к Дунаю угрожало вторжением в Австрию и Германию с юго-востока.

В тот же самый день, 26 сентября, когда Болгария запросила перемирия, союзные армии перешли в общее наступление на Западном фронте от Мааса до Северного моря. Ожесточенные бои начались на всем фронте. Американцы и французы наступали между Маасом и Аргоннами. Англичане атаковали „линию Гинденбурга“ на фронте Сен-Кантен-Камбрэ. Фландрская группа союзников (бельгийцы, англичане, французы) атаковала немцев на севере между морем и р. Лис. Германская армия не смогла удержаться на „линии Гинденбурга“. Союзные армии рядом успешных атак прорвали эту линию и вынудили германскую армию отступить на новые позиции.

Капитуляция Болгарии и переход армии Антанты в общее наступление на западе принуждают верховное командование Германии немедленно просить у противников перемирия и заключать мир, пока германская армия еще не была совсем изгнана из Франции и Бельгии. Паническая растерянность царила в эти дни в кругах верховного командования и среди членов правительства. Внутри страны разразился глубокий политический кризис. Стало ясно, что режим военной диктатуры больше существовать не мог, так как армия стала ненадежной.

Людендорф рассказывает, что вечером 28 сентября он и Гинденбург решили, что надо немедленно просить о перемирии и мире. Оба они прекрасно понимали, что старое правительство не пользуется у союзников никаким доверием и что с ним не будут вести никаких переговоров о мире. Следовательно, надо было спешно провести „парламентаризацию“ Германии и создать новое правительство, по внешности демократическое, с участием социал-демократов. Привлечением в правительство реакционных лидеров социал-демократической партии генералы надеялись предупредить взрыв революции и крушение монархии.

29 сентября в ставку верховного командования в Спа приезжают Вильгельм II, рейхсканцлер граф Гертлинг, министр иностранных дел Гинце и другие руководящие лица германского правительства. Все они еще ничего не знали о требовании верховного командования немедленно заключить перемирие, и были глубоко потрясены, когда услышали об этом от Гинденбурга и Людендорфа. Верховное командование даже и от них вплоть до этого дня скрывало правду о положении на фронте, даже и перед ними не имело мужества признаться в том, что Германия проиграла войну. Генералы потребовали от кайзера, чтобы правительство Германии немедленно, не теряя ни одного дня и часа, обратилось к президенту США Вильсону

с просьбой о перемирии и мире. От кайзера потребовали также, чтобы он уволил в отставку графа Гертлинга и реорганизовал правительство на демократических началах. Все эти требования верховного командования были приняты кайзером. Граф Гертлинг в тот же день подал в отставку.

Верховное командование, до этого времени пичкавшее страну лживыми сводками о положении на фронте, теперь торопит с образованием нового правительства и отправкой мирной ноты. Людендорф шлет из Спа в Берлин одну телеграмму за другой, требуя немедленной отсылки мирной ноты. „Армия не может ждать более 48 часов“— заявляет он. 3 октября, под руководством принца Макса Баденского, имевшего репутацию либерала и пацифиста, было образовано „демократическое“ правительство с участием правых социал-демократов. Это правительство 4 октября отправило президенту Вильсону первую мирную ноту. Германия заявляла о своей согласии принять условия мира, изложенные президентом США в его послании конгрессу от 8 января 1918 г. (так наз. „14 пунктов“) и в его позднейших заявлениях, как основу для мирных переговоров, и просило „немедленно заключить перемирие на суше, на море и в воздухе“.

Обращение Германии к США с просьбой о перемирии и ее согласие принять условия мира, выдвинутые Вильсоном, было ничем иным, как официальным заявлением о капитуляции, открытым признанием своего поражения, своего полного банкротства. Программа мира, изложенная Вильсоном, была такова, что только побежденная Германия могла согласиться принять ее. „14 пунктов“ Вильсона предусматривали очищение Германией занятых русских территорий, восстановление независимости Бельгии, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции и очищение оккупированных территорий Франции, разделение Австро-Венгрии на самостоятельные национальные государства, очищение и восстановление Румынии, Сербии, Черногории, создание независимой Польши, т. е. все то, о чем Германия и слышать ничего не хотела, пока оставалась хотя бы малейшая надежда на победу.

Дипломатическая переписка между Вильсоном и германским правительством продолжалась 37 дней. Наступление союзных армий на западе тем временем продолжалось. Положение германской армии с каждым днем становилось все более и более катастрофическим. Союзники Германии один за другим сдавались на капитуляцию. 30 октября капитулировала Турция, 3 ноября—Австро-Вен-

грия. Последняя не пережила военного разгрома и рассыпалась, как карточный домик. На ее развалинах образовался целый ряд самостоятельных национальных государств.

Вильсон в каждой новой ноте, отправляемой Германии, выдвигал все новые и новые требования и грозил разорвать переговоры, если Германия не примет его условий. В своем первом ответе Германии от 8 октября он заявлял, что не может быть и речи о заключении перемирия с Германией и ее союзниками „пока армии этих держав находятся на территории союзников“. „Добрая воля Центральных держав,—говорил президент,—может быть подтверждена только их согласием немедленно увести свои войска с территорий, которые они заняли“.

Германское правительство в своей второй мирной ноте вынуждено было объявить о своем согласии эвакуировать занятую территорию, и предлагало создать смешанную комиссию для выработки порядка этой эвакуации.

Между тем, несмотря на начавшиеся мирные переговоры, Германия продолжала на море вести беспощадную подводную войну и топить без предупреждения пассажирские суда союзных и нейтральных стран. Как раз в этот период немцы пустили ко дну несколько пароходов с большим количеством пассажиров. Отступая из Франции и Бельгии, германская армия разрушала оставляемые города и деревни, насильственно уводила с собой гражданское население и захватывала его личное имущество. В очищаемых немцами районах все подвергалось планомерному разрушению. Все эти акты бесчеловечной жестокости и вандализма вызвали во всем мире волну негодования против немцев, и президент США Вильсон в своей второй ноте Германии потребовал, чтобы германская армия прекратила разрушать территории Франции и Бельгии, оставляемые ею, и чтобы была, наконец, прекращена подводная война. „Нельзя ожидать,—писал президент,—что народы, соединившиеся против Германии, согласятся на прекращение военных действий, пока продолжают акты бесчеловечности, грабежа и опустошения, на которые они справедливо взирают с ужасом и возмущением“.

Германское правительство и кайзер, несмотря на возражения военных и военно-морских кругов, потребовавших разрыва мирных переговоров, вынуждены были принять и эти условия Вильсона. Об этом германское правительство сообщило президенту в своей третьей мирной ноте.

В своих нотах Германии Вильсон в недвусмысленной форме выдвигал требование отречения от престола кайзера Вильгельма II, как главного виновника войны. Уже в

своей второй ноте президент указывал, что Германия „перед тем как получить мир должна покончить с произвольной властью, могущей в любой момент нарушить мир, или, по крайней мере, низвести ее до действительного бессилия“. Чтобы угодить Вильсону, германское правительство спешно изменило конституцию: Кайзера лишили значительной части принадлежавших ему прав и, наоборот, расширили права рейхстага и правительства. Но Вильсон не удовлетворился этими изменениями конституции. В своей третьей ноте он заявлял, что не очень доверяет сообщениям о перемене в Германии правительства, что мир не может верить словам людей, которые до сих пор определяли политику Германии, и что если Соединенным Штатам придется вести переговоры с военными деятелями и монархическими властителями нынешней Германии, то правительство Соединенных Штатов должно будет потребовать не мирных переговоров, а полной капитуляции.

Наконец, в своей четвертой ноте, полученной в Берлине 5 ноября, Вильсон сообщал, что германские уполномоченные могут выехать в ставку верховного главнокомандующего союзными армиями маршала Фоша, который и сообщит им условия перемирия.

ПЕРЕМИРИЕ В КОМПЬЕНЕ. КРАХ ИМПЕРИИ ВИЛЬГЕЛЬМА II

После получения в Берлине четвертой ноты Вильсона, германское правительство спешно сформировало мирную делегацию, председателем которой был назначен министр без портфеля в кабинете Макса Баденского, лидер католической партии центра, Матиас Эрицбергер. В состав делегации включены были и представители генерального штаба (генерал-майор фон Винтерфельдт и др.). Вечером 7 ноября автомобиль с германскими уполномоченными под белым флагом пересек линию фронта и направился к Компьенскому лесу, где должна была произойти встреча с маршалом Фошем и другими представителями верховного командования союзных армий. 8 ноября, в 9 часов утра, состоялась первая встреча германских уполномоченных с маршалом Фошем и членами союзных делегаций в вагоне-канцелярии поезда маршала Фоша. Фош, прежде чем продиктовать германским делегатам условия перемирия, заставил их сказать, что они прибыли просить перемирия.

— Чего Вы хотите, господа?—спросил Фош.

— Мы хотим получить Ваши предложения о перемирии.

— О, у нас нет никаких предложений о перемирии, — сказал Фош. — Нам очень нравится продолжать войну.

Германские делегаты посмотрели друг на друга.

— Но нам нужны Ваши условия, — убеждали они. — Мы не можем продолжать борьбу.

— Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело.

Фош от имени союзных держав потребовал безоговорочной капитуляции Германии.

Главнейшие из условий перемирия, продиктованные Фошем, были: немедленная эвакуация захваченных территорий: Бельгии, Франции, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии; выдача союзникам 5000 пушек (в том числе 2500 тяжелых и 2500 полевых орудий), 25000 пулеметов, 3000 минометов, 1700 истребителей и бомбардировщиков; очищение Германией левого берега Рейна и оккупация его войсками союзных держав; содержание оккупационной армии за счет Германии; создание нейтральной зоны на правом берегу Рейна; передача союзным державам 5000 паровозов, 150 000 вагонов и 5000 грузовых автомобилей; немедленное возвращение всех военнопленных союзных армий, причем германские военнопленные пока оставались в плену; эвакуация всех германских сил, действующих в восточной Африке; сдача всех подводных лодок с их вооружением и снаряжением, немедленное интернирование в нейтральных портах всего германского надводного военно-морского флота; эвакуация всех германских военных сил с территории России, Австрии, Турции, Румынии; отказ Германии от договоров, заключенных в Бресте и Бухаресте (с Румынией); эвакуация Германией всех портов Черного моря и передача союзникам русских военных судов, захваченных немцами в Черном море; сохранение блокады Германии.

Для принятия этих условий Фош дал германским уполномоченным 72 часа. Германские делегаты пробовали возражать против некоторых условий перемирия. Они возражали против выдачи Германии 30000 пулеметов, заявляя, что их останется недостаточно, чтобы в случае необходимости стрелять по германскому народу. Они предлагали сохранить Германии армию в полном порядке, чтобы дать ей возможность подавить революцию внутри страны. Фош отклонил как эти, так и другие предложения германских делегатов, сославшись на то, что условия перемирия установлены союзными правительствами и он не вправе изменять их.

Не добившись существенного смягчения условий перемирия и понимая полную безвыходность положения Гер-

мании, германские делегаты, с согласия генерала Гинденбурга (правительства Макса Баденского к этому времени уже не существовало), решили принять условия Фоша. Перемирие было подписано в вагоне маршала Фоша 11 ноября, в 5 часов утра. По условиям перемирия военные действия должны были прекратиться в тот же день в 11 часов утра. Принятие Германией условий Фоша означало ее полную капитуляцию перед своими противниками.

За вторую половину кампании 1918 года—с 18 июля по 11 ноября—немцы потеряли свыше 700 тысяч человек, из них по меньшей мере половина падает на пленных.

Военный разгром германского империализма повлек за собой и крах империи Вильгельма II. Пока длились переговоры о перемирии в Германии началась революция. Она началась в первые дни ноября в Киле среди матросов военно-морского флота.

Германское командование перед подписанием перемирия хотело дать крупное морское сражение Англии. Оно понимало, что союзники ни за что не согласятся оставить Германии флот, и считало, что лучше погубить флот в бою, чем выдать его Англии. „Лучше погибнуть с честью, чем выдать флот врагу“—заявляло командование. А что это затеваемое сражение, совершенно бесполезное с военной точки зрения, ибо оно никак не могло улучшить военного положения Германии, приведет к гибели многих тысяч матросов,—об этом командование не задумывалось. Но матросы рассудили иначе. Они отказались исполнить приказ командования о выходе флота в открытое море. Матросы заявили, что если английский флот нападет на германские берега, то германский флот будет защищать берега Германии, но что первым он не нападет на англичан. На линейных кораблях „Марк-граф“, „Тюрингия“, „Гельголанд“, „Великий Курфюрст“, „Фридрих Великий“ вспыхнули восстания матросов.

Морское командование пыталось подавить восстание во флоте. Оно готово было торпедировать восставшие корабли „надежными“ военно-морскими силами. Но оно было бессильным, так как „надежных“ морских сил не оказалось. Восстание в короткое время охватило весь флот. Матросы соединились с рабочими Килия и захватили власть в городе в свои руки: власть перешла в руки Совета матросских и рабочих депутатов. Из Килия революция быстро распространилась по всему Северному побережью Германии. Оттуда она перекинулась в западную, среднюю и южную Германию. В несколько дней революция распространилась по всей стране. Германские монархи один за

другим лишились своих корон. Вся Германия покрылась советами рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября волны революции докатились и до Берлина. Империя Вильгельма II рухнула. Сам Вильгельм еще за несколько дней до этих событий бежал в ставку верховного командования в Спа, надеясь там найти защиту от революции. 9 ноября в ставке верховного командования генерал Гинденбург спросил собравшихся генералов о возможности вооруженного подавления революции. Генералы ответили, что „поход на Берлин“ невозможен, в виду ненадежности армии. Между тем, со всех сторон в ставку поступали сведения о том, что восставшие части приближаются к Спа. Опасаясь попасть в руки восставших солдат, кайзер 10 ноября бежал из Спа в Голландию.

После крушения монархии власть захватили реакционные лидеры социал-демократической партии, злейшие предатели рабочего класса, поддерживавшие во время войны кайзера и его правительство. Эти же предатели руководили советами рабочих и солдатских депутатов, которые по этому „прикрывали контрреволюцию против революции“¹. Руководство социал-демократической партией, ставшее у власти после 9 ноября, заключило союз с контрреволюционным кайзеровским генералитетом для разгрома революционного пролетариата. Лидеры социал-демократической партии во время ноябрьской революции выступили в качестве самых омерзительных палачей германского пролетариата. Их руками контрреволюционная буржуазия произвела удушение революции, зверски расправилась с вождями рабочих. Предательская тактика социал-демократического руководства дала возможность буржуазии и юнкерству сохранить свое господство. Революция остановилась на полдороге; кайзеровский режим сменился парламентским буржуазным строем, буржуазной республикой.

Кайзера свергли, но остались Круппы, Тиссены, Стиннесы—подлинные виновники войны, сохранившие свое всевластие и могущество и взвалившие на плечи германского народа огромное бремя проигранной войны. Это они, банкиры и плутократы, через 14 лет, в январе 1933 г., поставили у власти своих цепных собак—кровожадную гитлеровскую шайку бандитов и палачей со свастикой, ввергших германский народ в еще более губительную и убийственную войну, чем война 1914—1918 гг.

Разгром германского империализма в 1918 году был в интересах молодого Советского государства и всего между

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 404.

народного пролетариата. Разгром кайзеровской Германии в корне облегчил положение советской страны. „Вопервых, Советская власть получила возможность аннулировать грабительский Брестский мир, прекратить платежи по контрибуции и повести открытую борьбу, военную и политическую, за освобождение Эстонии, Латвии, Белоруссии, Литвы, Украины, Закавказья от гнета германского империализма. Во-вторых,—и это главное—существование в центре Европы, в Германии, республиканского режима и Советов рабочих и солдатских депутатов должно было революционизировать и действительно революционизировало страны Европы, что не могло не укрепить положения Советской власти в России“¹.

ПРИЧИНЫ ВОЕННОГО РАЗГРОМА ГЕРМАНИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Германский империализм поставил перед собой бредовую, неосуществимую цель—утвердить мировое господство, разбить могущественные державы мира—Россию, Англию, Францию, США. Эта цель явно не соответствовала реальным возможностям и ресурсам Германии. Людские, экономические и финансовые ресурсы противников Германии были безграничны и неисчислимы. Ресурсы Германии, напротив, были сильно ограниченными, рассчитанными на короткую молниеносную войну. Но с этими ресурсами Германия никак не могла одержать победу в длительной, затяжной войне. Потерпев неудачу в попытке молниеносного разгрома Франции, еще в 1914 г. (поражение на Марне), Германия, по существу, уже проиграла войну. Ресурсы ее противников, которые могли быть полностью развернуты только в длительной войне, возрастали; наоборот, ресурсы Германии таяли и иссякали.

Завоевательные планы вильгельмовской Германии вызвали к жизни могущественную антигерманскую коалицию в составе России, Англии, Франции, США и ряда других держав. Эта коалиция держав разгромила германскую армию, поставила кайзеровскую Германию на колени и заставила ее отказаться от мечты о мировом господстве.

Ценой невероятных жертв, жестокого порабощения собственного народа и народов оккупированных местностей, превращения своего тыла в военно-каторжную тюрьму, Германии удалось продержаться 4 года. Но ее положение все время оставалось безысходным, и отдельные

¹ История ВКП(б). Краткий курс. Стр. 220—221.

победы, которые имела германская армия на различных фронтах ни в какой мере не решали судьбу войны, так как ее противники, несмотря на временные неудачи, не теряли веры в свою конечную победу и готовы были вести войну до полного разгрома Германии. Сила Германии базировалась на неслыханном порабощении собственного народа и народов оккупированных стран. Благодаря этому германский тыл все время оставался необеспеченным и непрочным, и по мере затягивания войны становился все более беспокойным и опасным, пока, наконец, не разразилась революция.

Германской армии все время приходилось вести войну на два фронта, если считать только основные фронты. Германия все время была в тисках войны на два фронта. Даже в 1918 году, когда Советская Россия вышла из империалистической войны, она продолжала сковывать крупные германские силы на востоке. По позднейшему признанию многих военных и политических деятелей Германии, это обстоятельство было одной из решающих причин провала германского наступления на западе в 1918 г.

Все крупные военные авторитеты Германии (генералы Сект, Гренер, Фалькейнгайн и др.), анализируя уроки первой мировой войны, предостерегали против войны на два фронта, и в особенности против войны с СССР. Они единодушно указывали, что если Германии и в будущем придется вести войну на два фронта, то она наверняка потерпит поражение. Германия, по их мнению, еще может надеяться выиграть войну против западных держав, но она не может иметь никаких шансов на выигрыш войны, если войну придется вести одновременно и против СССР. Генерал Гренер, бежавший с Украины в 1918 г. и на собственной шкуре познавший силу советского народа, неоднократно указывал, что война на два фронта, и прежде всего война против России, привела к гибели кайзеровскую Германию.

В своей книге „Завещание Шлиффена“ Гренер писал: „Кто хочет познать стратегический характер восточного театра военных действий, тот не должен пройти мимо исторических воспоминаний. У врат огромной равнины между Вислой и Уралом, вмещающей огромное государство и один народ, стоит предостерегающая фигура Наполеона I, чья судьба должна внушить всякому нападающему на Россию жуткое чувство перед наступлением на эту страну“.

Об этом же говорили и многие другие военные авторитеты Германии, в том числе и генералы, состоящие на

службе у фашистских правителей Германии (Лист, Рейхенау, Браухич). Совсем незадолго до преступно-вероломного нападения фашистов на Советский Союз, в марте 1941 г., представитель министерства иностранных дел Германии сделал официальное сообщение иностранным корреспондентам о том, сколь губительно для Германии в прошлых войнах было наличие двух и более фронтов. Немецкое правительство заявило тогда, что Германия в прошлых войнах терпела поражение именно потому, что боролась на два фронта. Да и сам главарь фашистской банды, Гитлер, не раз в своих выступлениях до войны с Советским Союзом делал подобного же рода заявления и благодарил господ бога, что Германия в нынешней войне имеет только один фронт.

Наконец, крушение Германии в 1918 г. было вызвано разложением, которому подверглась ее армия в ходе войны. Это разложение было вызвано, с одной стороны, тем, что германские солдаты по мере затягивания войны все более убеждались в том, что война, которую ведет Германия, отнюдь не оборонительная, а захватническая, империалистическая война. Отсюда—рост классового самосознания у германских солдат. Доказательство этому мы находим в солдатских письмах и дневниках периода войны. С другой стороны, разложение шло под влиянием русской революции. Военные неудачи и поражения еще более ускоряли процесс разложения германской армии.

Таковы факторы, приведшие к крушению Германскую империю в 1918 году.

Эти факторы продолжают действовать и поныне, в период второй мировой войны. Они действуют лишь с еще большей силой, а потому и крах гитлеровской Германии наступит гораздо скорее, чем произошел крах кайзеровской Германии. Кайзеровская Германия имела дело с отсталой царской Россией, полуколонией западно-европейского империализма. Гитлеровская Германия имеет дело с могущественным Советским Союзом, социалистическим государством рабочих и крестьян, имеющим первоклассную армию, вооруженную самой передовой техникой. В период первой мировой войны обе группировки держав—и Германия со своими союзниками, и Антанта—вели несправедливую, империалистическую войну с целью нового передела мира. Трудящиеся массы во всех воюющих странах выступали тогда против войны и своих империалистических правительств и требовали прекращения бойни народов. Совсем иное положение мы имеем сейчас. Советский Союз и его союзники ведут справедливую, освободительную войну, а гитлеровская Германия и ее холопы ведут несправедли-

вую захватническую, преступную войну. Разгром гитлеровской Германии приведет не только к изгнанию оккупантов из нашей страны и к освобождению советской земли от немецко-фашистских мерзавцев, но и к освобождению всех поработанных народов Европы, стонущих под игом гитлеровской тирании.

„У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны которая могла бы его вдохновлять и чем он мог бы гордиться. И, наоборот, любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим собственно и объясняется, что отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей родины.

В этом сила Красной Армии.

В этом же слабость немецко-фашистской армии“¹.

Истощение людских и материальных ресурсов Германии в нынешнюю войну идет намного быстрее, чем шло истощение ресурсов Германии в первую мировую войну. Тогда Германия за все 51 месяц войны на всех фронтах потеряла убитыми, ранеными и пленными 7,5 миллиона человек; из них убитыми и умершими от ран около 2 миллионов человек. Теперь Германии только на одном советско-германском фронте в течение одного года войны потеряла убитыми, ранеными и пленными около 10 миллионов человек; из них не менее 3,5 миллиона человек составляют убитые. Лучшие, отборные дивизии фашистской Германии уже истреблены и нашли себе могилу на полях сражения. „Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе военных операций, получает все меньше пополнений“².

Процесс разложения гитлеровской армии идет более ускоренными темпами, чем разлагалась армия Вильгельма. Безднадежность и бесперспективность войны против могучего Советского Союза и его союзников становится все яснее для германских солдат. Они начинают понимать, в какой тупик завели их правители фашистской Германии. И чем сильнее будут удары Красной Армии по фашистской

¹ И. Сталин. Приказ Народного Комиссара Оборона 23 февраля 1942 г.

² И. Сталин. Приказ Народного Комиссара Оборона 1 мая 1942 г.

армии, тем скорее пойдет процесс ее внутреннего разложения и деморализации.

Европейский тыл гитлеровской Германии еще более непрочен, чем тыл кайзеровской Германии в первую мировую войну. Порабощенные народы Европы не покорились гитлеровцам, и никогда не примирятся с потерей своей свободы и независимости. Дух возмущения овладевает порабощенными народами Европы, а борьба их против фашистского режима виселиц и террора приобретает всеобщий характер. „Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что „новый порядок“ в Европе и пресловутая „основа“ этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик“¹.

Германский внутренний тыл гитлеровских захватчиков еще более непрочен и беспокоен, чем тыл вильгельмовской армии в первую мировую войну. Вильгельм в течение всех четырех лет войны имел за собой поддержку социал-демократической партии и профессиональных союзов. Этого нет в гитлеровской Германии, уничтожившей все массовые организации рабочего класса и лишившей рабочих элементарных демократических свобод. Гитлеровский тыл дал глубокие трещины со времени нападения фашистов на Советский Союз. Дух возмущения овладевает и германским народом, который не видит конца войны, который миллионами человеческих жертв должен расплачиваться за преступную войну, затеянную гитлеровской кликой. „Только гитлеровские дурачки не могут понять, что не только европейский тыл, но и германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов“.

Как политические, так и военные итоги года войны гитлеровской Германии с Советским Союзом плачевны для гитлеровцев. Как политические, так и военные планы фашистов потерпели крушение.

„Год военных действий на советско-германском фронте обнаружил полный провал политических планов германского империализма—расчетов на военно-политическую изоляцию СССР и непрочность советского тыла. В результате года войны укрепилось боевое содружество СССР, Великобритании и США, укрепился тыл Красной Армии, укрепился союз рабочих, крестьян и интеллигенции, укрепилась дружба народов СССР...

¹ И. В. Сталин. 24-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Год войны на советско-германском фронте обнаружил полный провал военных планов германского империализма¹.

Удары, которые нанесла Красная Армия немецко-фашистским войскам, поколебали основы немецкой военной машины и подготовили почву для разгрома гитлеровской армии.

Гитлеровская Германия, как в свое время и кайзеровская Германия, вооружила против себя самые могущественные державы мира. Все свободолюбивые народы мира объединились в могучую антигитлеровскую коалицию, возглавляемую СССР, Великобританией и США. Эта коалиция обладает такими мощными людскими, производственными и продовольственными ресурсами, которые делают эту коалицию непобедимой. Боевое содружество трех великих демократических держав—СССР, Великобритании, США—в ходе войны выросло и окрепло в могучую силу. Международные связи нашей страны выросли и окрепли, как никогда. 26 мая 1942 г. в Лондоне между СССР и Великобританией был подписан договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. 11 июня 1942 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Во время переговоров товарища Молотова в Лондоне с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и в Вашингтоне с президентом США Франклином Рузвельтом была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.

Гитлеровская Германия вскоре получит то, чего она больше всего боится—войну на два фронта. То, против чего предупреждали всегда наиболее дальновидные и трезвые германские политики и генералы, начиная с Бисмарка и Мольтке, вскоре станет фактом. Гитлеровская Германия принуждена будет вести войну на два и больше фронтов.

„Договор с Англией, а также результаты переговоров в Лондоне и Вашингтоне, укрепляют нашу уверенность, уверенность Красной Армии и всего советского народа в том, что объединенные силы противников гитлеровской армии растут и сплачиваются все больше. Они укрепляют нашу уверенность в том, что близится разгром германских захватчиков, что теперь наша победа над разбойничьим

¹ Совинформбюро. Политические и военные итоги года войны.

германским империализмом будет значительно ускорена. Крепнущая Красная Армия, несокрушимый советский тыл и растущая военная помощь наших союзников разобьют все и всякие планы немецко-фашистских захватчиков. Наши силы крепнут, наша уверенность в победе сильна, как никогда...

Под великим знаменем Ленина—Сталина мы ведем нашу героическую освободительную борьбу с германским фашизмом. Под великим знаменем Ленина—Сталина мы доведем эту борьбу до победоносного конца, до торжества дела нашей родины и всех свободолюбивых народов¹.

---

¹ Доклад Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова в Верховном Совете СССР 18 июня 1942 г.

